

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОФИЛАКТИКЕ АНТИОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

О.В. Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Сложный и длительный процесс социализации личности подвержен влиянию многочисленных факторов, что требует глубокого анализа с целью выработки адекватных мер предупреждения, пресечения и коррекции антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые, в свою очередь, должны учитывать их права и законные интересы. Складывающаяся судебная практика показывает, что действующее законодательство не в полной мере обеспечивает решение этих задач, не вполне отражает потребности времени. В силу этого судам приходится вносить коррективы в деятельность субъектов профилактики, иногда отменяя принимаемые ими решения, обеспечивая защиту прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения. Все это указывает на необходимость поиска законодательных решений, обеспечивающих совершенствование профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые должны предусматривать ревизию используемой юридической терминологии, отражающей современные реалии, переосмысление принципов организации такой работы, ее систематизацию и наполнение качественно новым содержанием, отражающим главную идею – защиту прав и законных интересов ребенка и сохранение его семьи.

Ключевые слова: *система профилактики, антиобщественное и противоправное поведение, защита прав несовершеннолетних, Комиссия по делам несовершеннолетних и защите детей.*

Социализация личности представляет собой довольно сложный по содержанию и весьма длительный по времени процесс становления человека как члена общества. С одной стороны, есть понимание того, что его поведение должно соответствовать сложившимся ценностям и стандартам, с другой, очевидно, что достижение этой цели является результатом воздействия целого ряда факторов социальной среды, в которой оказывается ребенок на разных этапах своей жизни. В некоторых случаях значение имеют и его психофизиологические особенности. Все это требует глубокого анализа с целью выработки адекватных мер предупреждения, пресечения и коррекции антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые, в свою

очередь должны учитывать их права и законные интересы. В противном случае возникает риск распространения идеи изоляционизма, базирующейся на представлении о необходимости защиты общества от лиц с девиантным поведением. Между тем специалисты видят решение проблемы асоциального поведения в принятии социальных, правовых, педагогических и иных мер по предупреждению различных отклонений в поведении, профилактике и при необходимости психолого-педагогической коррекции посредством четкого, целенаправленного воспитательного воздействия, организуемого в семье, образовательном учреждении при содействии специалистов в этой области [6, с. 9–11].

Эта идея была воспринята и законодателем, о чем свидетельствует принятие Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1], хотя используемые формулировки, как представляется, отражают слишком узкий подход к проблеме. Неслучайно в 2003 г. в него были внесены дополнения, связанные с профилактикой антиобщественного поведения, что, правда, привело к несоответствию содержания нормативного правового акта его названию. В связи с этим представляется целесообразным изложение законопроекта в новой редакции, назвав его Федеральный закон «О профилактике антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защите их прав». Последнее дополнительно будет подчеркивать характер осуществляемой деятельности, которая должна учитывать права и законные интересы несовершеннолетних. Соответственно, и предмет правового регулирования будет охватывать не только общественные отношения, возникающие в сфере профилактики их антиобщественного и противоправного поведения, но и защиту прав несовершеннолетних, обеспечивая их неразрывное единство.

При этом целесообразно пересмотреть используемые законодателем правовые категории и принципы с учетом сложившихся реалий, в том числе с учетом опыта имплементации Гаагских Детских конвенций [11], а также опыта других государств [8, с. 601–608]. В частности, представляется необходимым, с одной стороны, отказаться от понятия «беспорядочность», которое, как показывает судебная практика, не применяется, и ввести категорию «самовольный уход» для обозначения одной из форм отклоняющегося поведения несовершеннолетнего, требующего анализа причин и условий его реализации в целях предупреждения негативного сценария развития ситуации, включая выявление склонности к бродяжничеству, а также принятия решений о дальнейшей судьбе ребенка. Так, наличие фактов самовольного ухода, установление его причин являются обязательными при оценке надлежащего исполнения родительских обязанностей [16, 25, 28].

На наш взгляд, стоит отказаться и от понятия «социально опасное положение», которое весьма неоднозначно оценивается в судебной практике. В то время как одни суды, опираясь на законодательное определение, считают, что «понятие социально опасного положения ... не является абстрактным» и «предполагает безусловное установление безнадзорности или беспризорности несовершеннолетнего, либо наличие угрожающей обстановки, либо совершение им правонарушений (антиобщественных действий)» [22], другие, напротив, полагают, что это понятие «допускает очень широкое толкование», указывая на необоснованность принимаемых уполномоченными органами решений [26]. В результате разная оценка одних и тех же жизненных обстоятельств может повлечь нарушение прав и законных интересов самого несовершеннолетнего. Периодически суды выявляют факты принятия решений о постановке семьи и самого ребенка на учет органов системы профилактики без достаточного характеризующего материала в отношении несовершеннолетнего и его родителей, без приведения фактов о ранее совершенных антиобщественных действиях [12, 13, 23], а также решений о помещении несовершеннолетнего в Центр временного содержания несовершеннолетних в отсутствие данных, свидетельствующих о необходимости обеспечения защиты жизни или сохранения здоровья несовершеннолетнего либо предупреждения совершения им повторного общественно опасного деяния [18].

Как отмечается специалистами, сложная междисциплинарная природа такого явления, как «социально опасное положение», при его весьма широком нормативном определении в современном обществе, позволяет органам профилактики поставить на учет как минимум каждую вторую семью в России (неполные семьи; семьи, в которых один или оба родителя не являются кровными; распространение практики существования «дистантных» семей и др.), что обоснованно усиливает опасения родителей относительно возможности вторжения социальных работников и специалистов органов опеки в любой момент в жизнь их семьи [10, с. 49].

Данное понятие, как представляется, необходимо заменить на широко используемую в российском законодательстве категорию «трудная жизненная ситуация» [2–4], которая, во-первых, охватывает значительно более широкий круг несовершеннолетних, что важно с точки зрения ранней профилактики антиобщественного поведения, а во-вторых, ориентирована на реализацию различных форм поддержки семьи в целом и несовершеннолетнего в частности при возникновении любых обстоятельств, которые ухудшают условия их жизнедеятельности и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно.

Оценивая факторы, негативно влияющие на формирование антиобщественного поведения несовершеннолетних, суды обращают внимание на то, что трудная жизненная ситуация может возникнуть у

несовершеннолетнего из-за сложных взаимоотношений с лицом, совместно проживающим с ним, но не являющимся его законным представителем. Так, суд, установив, что ребенок сбегал из дома, поскольку периодически страдал от физического и морального насилия со стороны отца, определил его место жительства с отцом [14]. По другому делу, приняв во внимание отрицательную характеристику члена семьи нанимателя Ш., неоднократное привлечение его к уголовной ответственности, отбывание наказания в колонии для осужденных, пришел к выводу о том, что совместное проживание в закреплённой квартире несовершеннолетнего Л. в случае его вселения будет невозможным и противоречит его гражданским интересам [32]. Однако, несмотря на значимость подобных жизненных обстоятельств для развития ребенка, действующее законодательство такой правовой категорией в контексте защиты его прав и законных интересов не оперирует, хотя при положительном решении данного вопроса можно было бы говорить о включении в профилактическую работу лиц, совместно проживающих с несовершеннолетним и в силу этого оказывающих непосредственное влияние на его личность, закрепили обязанности такого лица по отношению к последнему, невыполнение которых при определенных обстоятельствах могло бы послужить основанием для привлечения к ответственности.

В нормативном закреплении, как представляется, нуждается и понятие «несуицидальное самоповреждающее поведение», характеризующееся нанесением себе повреждений с целью привлечения внимания, снятия напряжения или улучшения самочувствия, не поддерживаемых желанием уйти из жизни [5], что может быть как симптомом некоторых психиатрических заболеваний, так и носить самостоятельный характер. Между тем выявление масштабов этого, весьма распространенного не только в России, но и во всем мире, явления затруднено ввиду недостаточной согласованности в концептуализации этого феномена [7, с. 8, 12], которым, судя по принимаемым документам, все больше обеспокоено Министерство просвещения России.

В целом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о наличии ряда проблем в организации и осуществлении профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые требуют переосмысления основных начал осуществления подобной работы. Показательно в этом смысле решение суда, который признал неправомерным привлечение приемного родителя к ответственности, установив, что законодательно период времени, в течение которого с момента пропажи детей родители должны сообщить в полицию, не закреплён, в силу чего оценка ситуации становится результатом субъективного мнения родителя. Для должностных лиц существует внутренний алгоритм действий при выявлении случаев самовольного ухода детей из семьи, где также не указано, в течение

какого времени это должно быть сделано. Кроме того, разработанный алгоритм действий в подобной ситуации, направленный из Департамента по труду и соцзащите в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите детей (далее – КДН), до приемных родителей не доводится, поскольку разработан для внутреннего использования всеми службами профилактики [31]. Эта ситуация, ставшая предметом судебного разбирательства, демонстрирует не только нескоординированность деятельности КДН с органами опеки и попечительства, но и игнорирование прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики, а также необходимости реализации индивидуального подхода к организации такой работы.

Учитывая, что подобные ситуации не единичны, представляется целесообразным пересмотреть основополагающие начала деятельности по профилактике антиобщественного и противоправного поведения. Прежде всего, необходимо законодательно закрепить принцип приоритетности прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики, что должно найти свое логическое воплощение в положениях, закрепляющих права и правовые механизмы защиты прав лиц, в отношении которых проводится профилактика антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних. Особое значение в контексте вышеприведенной судебной практики имеет право несовершеннолетних, родителей (законных представителей) несовершеннолетних, и лиц, совместно проживающих с последними, на возмещение вреда, причиненного при проведении в отношении них профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних.

В настоящее время этот вопрос перед судами ставится довольно редко, поскольку родители и иные категории законных представителей зачастую считают для себя удачей саму отмену постановлений о привлечении их к административной ответственности, постановке на учет и т. п. Между тем неправомерно принятое в данной сфере общественных отношений решение способно нанести существенный вред и репутации ребенка, и его родителей, повлияв на складывающиеся в ближайшем окружении взаимоотношения. Статья 9 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», закрепляя гарантии его исполнения, к сожалению, ограничивается положениями об ответственности должностных лиц за невыполнение своих обязанностей, что на практике связывается исключительно с несвоевременным и ненадлежащим их выполнением [17], а также о праве органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей обратиться в суд с иском о возмещении вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, его имуществу, и

(или) морального вреда, что ассоциируется преимущественно с противоправным поведением законных представителей [21, 24, 30] и, как правило, не рассматривается как последствие вынесения решения субъектом профилактики, хотя исключения имеют место [19, 20, 27]. В силу этого все заявляемые требования базируются на общих положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Принципиальной при этом является оценка обстоятельств дела. Так, суд, отказывая в удовлетворении заявленных требований, отметил, что «факт совершения ответчиком действий по реагированию в рамках правового поля на поступающую информацию о имеющих место конфликтных отношениях в семье истца в целях обеспечения прав ребенка не влечет безусловную компенсацию гражданину морального вреда, в том числе в случае принятия судом решения об отказе в удовлетворении гражданского иска, предъявленного в интересах такого ребенка» [15].

Особое значение при организации такой работы имеет принцип обеспечения в интересах несовершеннолетнего целостности семьи, а также беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, что в сочетании с принципом реализации индивидуального подхода к организации профилактической работы должно обеспечить ее качественно иной уровень, отвечающий истинным интересам ребенка. Отсутствие их законодательного закрепления не позволяет в полной мере формировать нравственно-целевые установки субъектов профилактики, что приводит к ошибкам в принятии значимых для несовершеннолетнего и его семьи решений. Так, суд, удовлетворяя требования о признании незаконными действий и решений по изъятию ребенка из семьи, отметил, что понятие «жестокое обращение» допускает широкое толкование и требует в каждом конкретном случае тщательной проверки. В данном случае, вопреки доводам ответчиков и соответчиков, оно не являлось законным поводом для отобрания ребенка, а только поводом для индивидуально-профилактической работы с его отцом, который ударил сына за то, что тот плакал, потому что не хотел идти в детский сад, начал кричать и мог разбудить младших детей, которые болели и всю ночь не спали [29].

Значимым для организации профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних является реализация принципа системности и единства подходов при ее осуществлении и защите прав несовершеннолетних. Деятельность значительного числа вовлеченных в этот процесс субъектов, отличающихся по своему статусу и объему реализуемых полномочий общего и специального характера, объективно требует координации в целях обеспечения их согласованного функционирования и взаимодействия в соответствии с действующим законодательством. С этой точки зрения заслуживает внимания идея о создании аппаратов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, выведение этих аппаратов на уровень субъектов Федерации, а

также предоставлении права высшим должностным лицам субъектов Федерации формировать такие комиссии. Предполагается, что результатом подобного нововведения станут централизация обеспечения их деятельности и, как следствие, решение широкого спектра организационных, финансовых, информационно-коммуникационных, материально-технических проблем, упорядочение, повышение эффективности профилактической работы.

В целом можно констатировать наличие объективной необходимости выстраивания четкой системы профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которая должна включать общую, индивидуальную и специальную профилактическую работу, осуществляемую на основе межведомственного взаимодействия. Первая должна быть ориентирована на раннее выявление и предупреждение антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, нарушения их прав, а также способствующих этому причин и условий и реализовываться как в отношении несовершеннолетнего, так и его родителей или иных законных представителей, а также лиц, совместно проживающих с ним. В свою очередь, индивидуальная профилактика должна быть направлена на выявление и пресечение уже проявившегося антиобщественного и противоправного поведения, нарушения прав несовершеннолетних, устранения причин и условий, способствующих этому, предупреждения повторного совершения ими антиобщественных действий и правонарушений. Здесь особое значение имеет организация межведомственного взаимодействия субъектов профилактики, реализующих свои полномочия в отношении несовершеннолетнего, его родителей или иных законных представителей, а также лиц, совместно проживающих с несовершеннолетними. Необходимость выделения в системе профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних специальной профилактической работы обусловлено спецификой реализуемых социальных, правовых, педагогических и иных мер, предопределенных существенной деформацией личности несовершеннолетних, совершивших правонарушения, подпадающие под признаки преступления, в том числе, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы в условиях изоляции от общества, а также случаи их задержания [9].

Таким образом, складывающаяся судебная практика, в которой все более отчетливо прослеживаются тенденции к защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения, подталкивает к поиску законодательных решений, обеспечивающих совершенствование профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые должны предусматривать ревизию используемой юридической терминологии, отражающей современные реалии, переосмысление

принципов организации такой работы, ее систематизацию и наполнение качественно новым содержанием, отражающим главную идею – защиты прав и законных интересов ребенка и сохранение его семьи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
3. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «О государственной социальной помощи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
4. Письмо Минобрнауки России от 18.01.2016 г. № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида» // Вестник образования. 2016. № 5.
5. Амосова О.С. Асоциальное поведение молодежи: факторы, причины, методы профилактики и коррекции // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 9–11.
6. Дарьин Е.В. Несуицидальное самоповреждающее поведение у подростков // Медицинский вестник Юга России. 2019. Т. 10. № 4. С. 6–14.
7. Дородонова Н.В., Евстифеева Е.В., Ильгова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 601–608.
8. Ильгова Е.В., Соколов А.Ю. О некоторых проблемах применения административного задержания к несовершеннолетним лицам // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 71–75.
9. Никитина Н.А. Ситуация социально опасного положения как совокупность обстоятельств, порождающих профилактические правоотношения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1(51). С. 48–54.
10. Zaitsev O.V., Zaitsev V.V. The russian implementation of the Hague children conventions // В сборнике: Yearbook of Private International Law. Romano, 2018. С. 421–449.
11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.11.2023 г. № 88а-27368/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 г. № 88А-19042/2023 по делу № 2а-4250/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2023 г. по делу № 88-28638/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 г. по делу № 88-20893/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 17.10.2023 г. ипо делу № 22-3776/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Апелляционный приговор Амурского областного суда от 05.09.2023 г. по делу № 22-1572/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Решение Таврического районного суда Омской области № 2А-345/2020 2А-345/2020~М-293/2020 М-293/2020 от 27.05.2020 г. по делу № 2А-345/2020 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/AhfQhy7SkwdT//(дата обращения: 12.01.2024)

18. Решение Котласского городского суда Архангельской области от 03.07.2018 г. по делу № 2-1462/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Ленинского районного суда города Уфы от 28.02.2014 г. по делу № 2-94/2014(2-4403/2013;)-М-4043/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Решение Ухтинского городского суда Республики Коми от 16.05.2014 г. по делу № 2-1758/2014~М-3888/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Решение Карагинского районного суда Камчатского края № 2А-11/2017 2А-11/2017(2А-146/2016;)-М-155/2016 2А-146/2016 М-155/2016 от 25.01.2017 г. по делу № 2А-11/2017 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/8vAXrxsK9LLI/](http://sudact.ru/regular/doc/8vAXrxsK9LLI/)_(дата обращения: 12.01.2024)

22. Решение Читинского районного суда № 2А-873/2019 2А-873/2019~М-702/2019 М-702/2019 от 19.07.2019 г. по делу № 2А-873/2019 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/kO67i6DJQhJ1/_(дата обращения: 12.01.2024)

23. Решение Октябрьского районного суда города Ставрополя от 28.01.2019 г. по делу № 2-241/2019(2-3350/2018;)-М-3272/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Дзержинского районного суда города Волгограда от 27.03.2023 г. № 12-160/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Решение Томпонского районного суда Республики Саха от 26.05.2020 г. по делу № 2А-М40/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1KtsJ8bmswZv/> (дата обращения: 12.01.2024)

26. Решение Зонального районного суда Алтайского края от 15.07.2020 г. по делу № 2-215/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Решение Ленинского районного суда города Смоленска от 14.12.2021 г. по делу № 12-590/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Решение Тигильского районного суда Камчатского края от 09.06.2023 г. по делу № 2а-1-120/2023(М-85/2023) // СПС «КонсультантПлюс».

29. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 02.03.2023 по делу № 2-2738/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Решение Макарьевского районного суда Костромской области от 23.11.2023 по делу № 12-28/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Решение Норильского городского суда № 2-2177/2020 2-2177/2020~М-1759/2020 М-1759/2020 от 03.07.2020 г. по делу № 2-2177/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/lbguWCWAKyр/](http://sudact.ru/regular/doc/lbguWCWAKyр/) (дата обращения: 12.01.2024).

Об авторе:

ЗАЙЦЕВ Олег Владимирович – доктор юридических наук, профессор, декан высшей школы правоведения ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – РАНХиГС (г. Москва, пр. Вернадского, 82), SPIN-код: 1954-8034, AuthorID: 324279, e-mail: zaytsev-ov@ranepa.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRACTICE TO PROTECT THE RIGHTS OF MINORS IN THE PREVENTION OF ANTISOCIAL AND ILLEGAL BEHAVIOR

O.V. Zaytsev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow

The complex and lengthy process of personal socialization is influenced by numerous factors, which requires in-depth analysis in order to develop adequate measures to prevent, suppress and correct antisocial and illegal behavior of minors, which, in turn, must take into account their rights and legitimate interests. The emerging judicial practice shows that the current legislation does not fully ensure the solution of these tasks, does not fully reflect the needs of the time. Because of this, the courts have to make adjustments to the activities of the subjects of prevention, sometimes canceling their decisions, ensuring the protection of the rights of minors in the prevention of antisocial and illegal behavior. All this points to the need to find legislative solutions to improve the prevention of antisocial and illegal behavior of minors, which should include an audit of the legal terminology used, reflecting modern realities, rethinking the principles of organizing such work, systematizing it and filling it with qualitatively new content reflecting the main idea – the protection of the rights and legitimate interests of the child and the preservation of his family.

Keywords: *prevention system, antisocial and illegal behavior, protection of the rights of minors, Commission on Juvenile Affairs and Child Protection.*

About author:

ZAYTSEV Oleg – Doctor of Law, Professor, Dean of the School of Law IPACS of the Russian Presidential academy (Moscow, Vernadsky Avenue, 82), SPIN-code: 1954-8034, AuthorID: 324279, e-mail: zaytsev-ov@ranepa.ru

Зайцев О.В. Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 106–115.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.